

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ: ВЕКТОРЫ ИСТОРИИ

ЗАХОРОНЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В ОГРАДКАХ (ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Д.В. Васильев
(Россия, г. Астрахань)

В курганных могильниках золотоордынского времени довольно часто встречаются подкурганые сырцовые оградки. На территории Нижнего Поволжья золотоордынские погребальные сооружения с сырцовыми прямоугольными оградками впервые были исследованы саратовскими археологами в 20–30-х гг. прошлого века¹. Практически все исследователи, так или иначе обращавшиеся к рассмотрению материалов погребальных сооружений с кирпичными оградками, связывали их появление на территории Нижнего Поволжья с процессом постепенного оседания на землю кочевого населения Золотой Орды. Хотя такие памятники распространены достаточно широко – от степей Западного Казахстана до нижнего течения Дона – подавляющее большинство их расположено вдоль левого берега реки Ахтубы и сконцентрировано у крупных золотоордынских городов или небольших поселков. Интересно, что до сих пор подобные оградки не обнаружены в окрестностях Селитренного городища (хотя, справедливости ради, надо отметить, что на Селитренном городище и в его окрестностях вообще исследовано очень мало погребений, синхронных периоду его активного существования). К настоящему времени на Ахтубе выявлены сотни подобных комплексов. При этом следует отметить, что ряд памятников такого рода расположен на достаточно большом расстоянии от развалин золотоордынских населенных пунктов.

Единой точки зрения на происхождение этих сооружений до сих пор не выработано. П.С. Рыков считал, что появление подобных кирпичных конструкций на средневековых кладбищах относится к XV в., то есть к заключительному периоду истории Золотой Орды. Он связывает это явление с проникновением ислама в среду кочевников и горожан, при этом специально отмечая, что мусульманские погребальные традиции получили повсеместное распространение только с XVI в.²

Л.П. Зяблин был склонен видеть в подобных сооружениях отражения жилищ оседающих кочевников³.

У Г.А. Федорова-Давыдова комплексы с округлыми и прямоугольными сырцовыми погребальными оградками выделены в особую группу погребальных сооружений золотоордынского времени (насыпи типа VII). Он называет подкурганые сырцовые оградки, появляющиеся в золотоордынское время, однозначно мусульманским признаком погребального обряда. Он склонен рассматривать их как результат влияния мусульманских золотоордынских погребальных обрядов, принятых в городах. Такой вывод он сделал на основании отсутствия вещей в известных в то время захоронениях в оградках. Датирует Г.А. Федоров-Давыдов эти комплексы суммарно – второй половиной XIII–XIV в.⁴

Сторонниками подобной трактовки являются В.А. Иванов и В.А. Кригер, которые пишут, что во второй половине XIV в. в связи с мусульманизацией и на Южном Урале появляются новые для местного населения элементы погребального обряда: могилы с подбоями в южной стенке и надмогильные сооружения в виде каменных или кирпичных оградок вокруг могилы⁵.

К выводу о связи подкурганых сырцовых оградок с исламизацией кочевников пришел и А.И. Ракушин, составивший первую типологию оградок⁶. Он пишет, что в основе своей оградки имеют всего два плана – круг и квадрат. Соглашаясь с Л.П. Зяблиным, А.И. Ракушин выводит генетически различные типы круглых оградок из круглого кочевого жилища, а квадратных – из квадратной каменной вымостки. Он также указывает на то, что оградки служили не только для сакральной изоляции погребения (или погребений), в них проводились также какие-то поминальные обряды,

о чем говорит наличие остатков тризны и кострищ в ряде оградок. Кроме того, А.И. Ракушин делит различные типы оградок на три хронологических периода. В первый период он помещает оградки с заполнением внутреннего объема – отмошкой камнем, сырцом, глиняной обмазкой; во второй период появляются упрощенные конструкции – кольцевидные и квадратные оградки без внутренней вымостки или обмазки. Захоронения в подобных оградках содержат богатый вещевой инвентарь. В третьем хронологическом периоде появляются оградки, которые как бы копируют планиграфическое строение двухкамерного или портално-купольного мавзолея: круглая или квадратная в плане основная оградка получает дополнительный пристрой с юга, сильно напоминающий портал-пештак. Захоронения в таких оградках характеризуются уменьшением количества или отсутствием погребального инвентаря, наличием надгробий, склепов, распространенным является положение покойника на боку⁷.

Обращая внимание на явную мусульманизированность данных захоронений, Л.В. Яворская даже предположила, что эти оградки могли служить лишь фундаментом каким-то купольным сооружениям, не дошедшим до настоящего времени (типа «дюрбе» или «гумбез») ⁸. В целом, Л.В. Яворская не связывает непосредственно появление подкурганых оградок в степи с исламизацией кочевого населения⁹.

М.В. Аляев считает возможным утверждать, несмотря на устоявшееся мнение, что оградки являются не признаком исламизации, а признаком этнической принадлежности оставивших их номадов. В пользу этого тезиса говорит то, что необъяснимые конфессиональными причинами различия формы оградок прослеживаются географически: круглые оградки сконцентрированы в основном в южных районах Нижнего Поволжья, а прямоугольные – в северных, и, кроме того, большинство известных ныне могильников с оградками, кроме Абганерово–I, расположены на левом берегу Волги¹⁰.

Сооружение оградок, чаще всего каменных, характерно для тюркоязычных племен раннего средневековья. Хорошо известен обряд захоронения кимаков под каменно-земляными насыпями, которые по периметру образуют прямоугольные или круглые оградки. Для IX–XI вв. погребения с сырцовыми сооружениями типа оградок являются единичными и встречаются в северо-восточном Казахстане¹¹. В монгольское время в Семиречье встречаются курганы с прямоугольными каменными оградками, которые, по мнению В.А. Могильникова, конструктивно напоминают курганы-оградки кимаков IX–X вв.¹² По его мнению, оградки и в Семиречье, и в Заволжье являлись семейными усыпальницами и содержали по несколько захоронений. Есть, с другой стороны, еще один возможный источник проникновения оградок в погребальный обряд Золотой Орды – Хорезм. Здесь по материалам раскопок хорошо известны прямоугольные оградки¹³. Оградки, имевшие в Хорезме исключительно прямоугольную форму, на Нижней Волге часто бывают круглыми.

Возможно, что синтез кочевнических и хорезмийских традиций произошел, когда в XII в. крупное кыпчакское объединение с центром в Сыгнаке, активно включенное в сложную систему взаимоотношений с Хорезмом, принимает ислам из рук хорезмийцев, о чем отчетливо говорят арабские источники¹⁴. По мнению Л.В. Яворской, соединение кимакской и исламской традиции и породило такой феномен, как сырцовое сооружение-оградка круглой формы. Вопрос о происхождении подкурганых оградок пока остается открытым.

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод: тот факт, что некрополи, в которых встречаются подкурганые оградки, располагаются компактными группами в открытой степи, относительно далеко от городских центров («301-й км», Абганерово–I); наличие в основной массе захоронений сопровождающего вещевого материала позволяет говорить о присутствии в них кочевнического компонента. Однако хотя и неясно, связано ли появление оградок с мусульманизацией населения степи напрямую, можно сказать уверенно, что этот элемент погребального обряда испытал влияние ислама в XIV в. – об этом говорят пристрой с юга – «пештаки», появляющиеся у поздних оградок.

Делая обзор литературы, посвященной подкурганым оградкам, нельзя пройти мимо статьи Е.П. Мыськова «Погребальные сооружения с кирпичными оградками

могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища»¹⁵. Помимо публикации погребально-поминальных комплексов в оградках, автор приводит в статье свои размышления о характере и предназначении оградок. Он отмечает этническую пестроту похороненных в подкурганных оградках людей, которая становится заметной при анализе краниологических коллекций – только на одном могильнике Маляевка VI имеются черепа европеоидов, монголоида, негроида и европеоидно-монголоидного облика¹⁶. Этническая пестрота, по мнению исследователя, позволяет связать данный могильник именно с космополитичным городским населением. Дополнительным признаком зарождения этой модели надмогильных сооружений именно в городской среде является использование кирпича, который не распространен в кочевнической среде в качестве строительного материала.

Е.П. Мыськов присоединяется к мнению вышеупомянутых исследователей о том, что захоронения данной группы следует связать именно с исламизированным населением¹⁷. Классические памятники такого рода представляют собой подквадратные или круглые сырцовые ограды, ориентированные по сторонам света, внутри которых расположено одно или два безынвентарных погребения (обычно мужское или женское) в простых ямах или ямах со ступеньками вдоль длинных сторон, с деревянными или сырцовыми перекрытиями. Довольно часто встречаются гробы в могилах, над могилами нередко отмечаются надгробия, погребенные ориентированы головой на запад, лицом на юг.

Е.П. Мыськов, основываясь на нумизматическом материале, относит появление наиболее ранних оградок такого типа на Ахтубе к 20-м гг. XIV в. Кроме того, он критикует попытку А.И. Ракушина построить хронологическую схему развития оградок, основанную на предположении, что в наиболее ранних типах оградок встречаются «языческие» захоронения, а в поздних, по мнению А.И. Ракушина, – захоронения с преобладанием мусульманских черт. Представляется очевидным, как пишет Е.П. Мыськов, что на протяжении длительного времени в Нижнем Поволжье сосуществовали самые разные обычаи, как языческие, так и мусульманские, что обусловлено этнической и религиозной пестротой населения. Серебряные монеты, найденные при раскопках погребальных комплексов с кирпичными оградками, позволяют утверждать, что, по крайней мере, в первой половине XIV в. различные типы сырцовых надмогильных оградок сосуществовали, вопреки мнению А.И. Ракушина об их генетически обусловленной хронологической последовательности¹⁸.

Несмотря на то, что Е.П. Мыськов является сторонником отнесения данной группы захоронений к мусульманским, он упоминает в своей работе о двух женских погребениях, которые, по его мнению, ничем не связаны с остальными мусульманскими захоронениями, кроме наличия оградки. Они сопровождаются богатым и разнообразным инвентарем, захороненные в них женщины не обращены лицом на юг, поэтому могут считаться безусловно языческими¹⁹.

Кроме того, Е.П. Мыськов высказывал мнение о возможности интерпретации захоронений в оградках либо как бескурганных вообще, либо как комплексов, которые в течение долгого времени стояли открытыми и не перекрывались курганными насыпями. Действительно, захоронения в сырцовых оградках, над которыми возведены надгробия, могли быть рассчитаны на посещение родственниками (для того и маркировались индивидуальными надгробиями) и на совершение цикла поминальных обрядов, который нам неизвестен. О поминовениях, совершавшихся в оградках, свидетельствуют фрагменты керамических сосудов, расщепленные кости животных, следы кострищ внутри оградок. Эти поминальные трапезы могли совершаться по какому-либо календарному циклу, о котором мы можем только догадываться. Лишь после завершения погребально-поминального цикла могла возводиться насыпь над оградкой. Неисключено, что «насыпь» могла возникнуть с течением времени сама собой – за счет разрушения и размывания сырцовой оградки и заметания ее пылью.

Обзор историографии данного вопроса не позволяет однозначно решить вопрос о мусульманизации погребений в оградках. Попробуем провести свой анализ, основанный на статистических методах, тем более что ранее подобных попыток не предпринималось. Данная работа является лишь частью большого исследования по рас-

пространению ислама в Золотой Орде, и мы использовали информацию, собранную нами в базе данных о погребениях золотоордынского времени, а также специально разработанную номенклатуру признаков, описывающих погребальный обряд. В нашей базе данных собраны сведения о 1825 погребениях, в том числе и о 93 погребениях в подкурганых оградках – все они локализируются на территории Нижнего Поволжья и в Западном Казахстане. Это захоронения из могильников «301-й километр»²⁰, «Кривая Лука-XVI»²¹, «Кузин хутор»²², «Успенка»²³, «Маляевка»²⁴, «Эльтон»²⁵, «Караул-Тобе»²⁶, «Лебедевка – VIII»²⁷, «Саралжин-I»²⁸.

Сначала необходимо охарактеризовать данную группу погребений в абсолютных числах. Большинство захоронений совершено на пригородных могильниках или на могильниках рядом с поселениями (79, или 84,9 % от числа погребений в группе). Подавляющее большинство погребений – одиночные (91 погребение, или 97,8 % погребений в группе). Все 100 % погребений, естественно, совершены под курганными насыпями. 37 из них, или 39,8 %, отмечены надгробиями. Интересно, что 70 погребений, или 75,3 %, сопровождалась остатками тризны. Самым популярным типом ямы в данной группе является яма со сложным профилем (т.е. нестандартная) – 37 случаев наблюдения, или 39,8 % от числа погребений в группе. Второе место по распространенности занимает яма типа А-5 (28 случаев наблюдения, или 30,1 % от числа погребений в группе). По 12 случаев наблюдения, или по 12,9 %, приходится на ямы типа Б1-1 и Б2-1, т.е. ямы с подбоем в южном борту. Опорные конструкции перекрытий зафиксированы лишь в 5 случаях: в четырех случаях – опорные стены типа 1 и в одном случае – опорные стены типа 4. В 52 случаях (55,9 %) в погребениях не отмечено перекрытий вообще. 23 погребения (24,7 %) имели деревянное горизонтальное перекрытие. В 6 случаях зафиксировано перекрытие типа А2-4. Остальные типы перекрытий непредставительны и отмечены в одном-двух случаях.

Все захоронения являются обыкновенными труположениями. В 86 случаях покойные обращены головой на запад, в 4 случаях – на северо-запад, по одному случаю приходится на северное, северо-восточное и юго-западное направления.

78 погребенных, или 83,9 %, лежали на спине без доворота, и лишь 9 погребенных имели выраженный доворот вправо (9,7 %). Еще четверо (4,3 %) лежали на правом боку. Один погребенный был повернут на левый бок, и положение еще одного погребенного определить не удалось вследствие разрушенности захоронения.

Наиболее часто встречается вытянутое положение рук погребенных (в 43 случаях, или в 46,2 %). Вторым по распространенности является положение «правая рука вытянута, кисть левой руки – на животе» (19 случаев, или 20,4 %). На третьем месте по «популярности» находится положение «кисти обеих рук на животе» (17 случаев или 18,3 %).

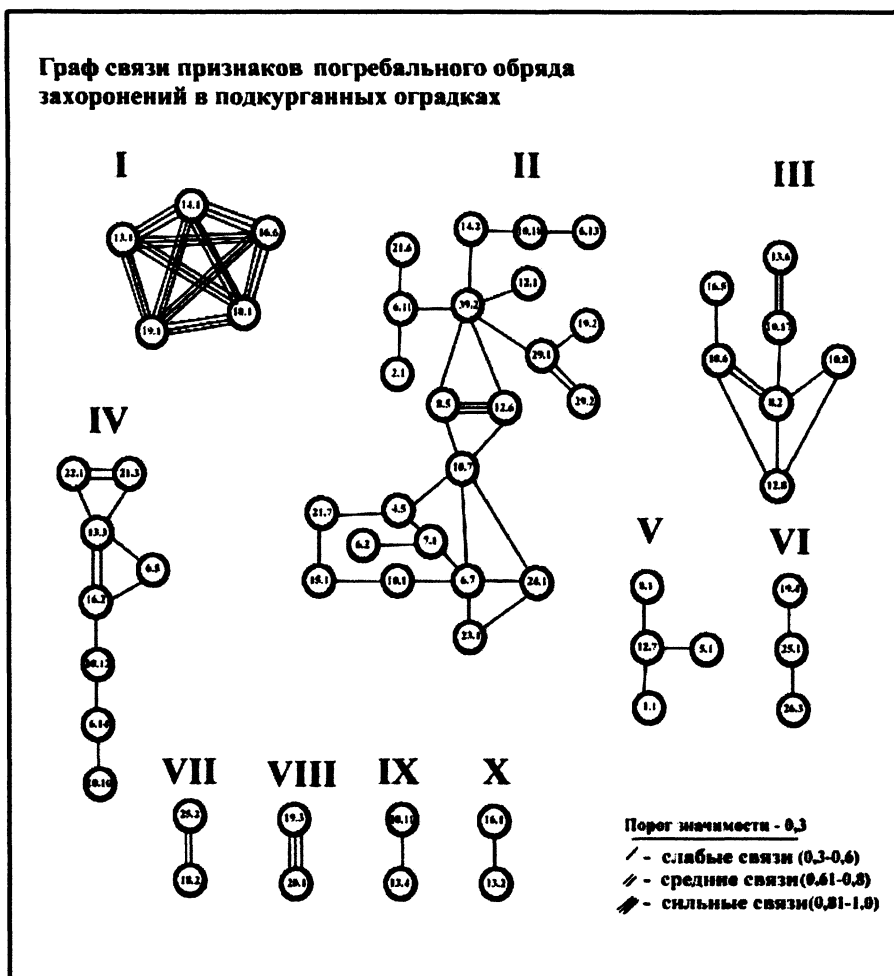
В подавляющем большинстве захоронений ноги вытянуты параллельно друг другу (85 случаев, или 91,4 %). Положение ног, соответствующее «канонической» мусульманской позе с доворотом на правый бок, отмечено в 7 случаях (в 4 случаях ноги были согнуты коленями вправо, в 3 случаях согнута была правая нога, левая вытянута). В 52 случаях (55,9 %) лицо погребенного было обращено вправо, в 23 случаях (24,7 %) лицо было обращено вверх, в 17 случаях (или в 18,3 % погребений) лицо погребенного было обращено влево. Таким образом, данная группа погребений предстает перед нами как в основном мусульманизированная, но процент захоронений с отклонениями от ислама оказывается очень большим.

В 60 случаях (64,5 %) обнаружены остатки деревянных гробов, а в 32 случаях (34,4 % погребений) – гробы, сколоченные железными гвоздями. Остатки саванов обнаружены лишь в 2 погребениях, но следы пеленания (по степени сжатости и по положению костяка) обнаружены в 22 погребениях (23,7 %).

В 3 погребениях обнаружены угли в качестве ритуального вещества. В 23 случаях (24,7 %) отмечена напутственная пища в могиле, а в 20 случаях (21,5 %) обнаружен и сопровождающий инвентарь (причем лишь в 12 погребениях он немногочисленный – 1–2 предмета, в остальных восьми – многочисленный инвентарь). В 7 погребениях среди инвентаря обнаружены золотоордынские монеты. 8 захоронений

условно можно считать «богатыми», так как в них обнаружены серебряные предметы – монеты и украшения.

Нами был построен граф связей признаков погребального обряда для данных захоронений, изображенный на рисунке.

Цифры на графе – номера признаков по нашей номенклатуре. Поскольку объем данной статьи не предусматривает ее полное рассмотрение, в тексте мы приводим расшифровку значения каждого отдельного признака. Основой для построения данного графа послужили значения коэффициентов корреляции Пирсона, вычисленных нами для признаков погребального обряда только данной группы захоронений. Силу связи между признаками определяет именно коэффициент корреляции Пирсона. Для построения графов в качестве порога значимости связей мы приняли значение силы связи 0,3, так как опытным путем было установлено, что при выборе порога значимости силы связи выше этого значения на графе перестают выделяться отдельные группы и комплексы связанных признаков, весь граф покрывается сетью малозначащих второстепенных связей, что может привести к радикальному упрощению рассмотрения обряда внутри группы как единого, в котором присутствуют практически на равных правах все признаки нашей номенклатуры. С другой стороны, при выборе порогового значения силы связи ниже 0,3 граф распадается на пары и тройки связанных признаков, число значимых признаков резко сокращается, что также радикально упрощает описание, создавая картину отсутствия единства и внутренней логики в погребальном обряде внутри групп. Сильные связи (со значением коэффициента корреляции от 0,81 до 1) мы обозначали на графах тройной линией, средние (со значением

коэффициента корреляции от 0,61 до 0,8) – двойной линией, слабые связи (со значением коэффициента корреляции от 0,3 до 0,6) обозначались одинарной линией. Всего при построении графов связей нами было получено 10 групп признаков. Данные группы соответствуют общепринятому термину «комплекс связанных признаков» (КСП).

Группа I. В данную группу вошли признаки: 13.1 – «невозможно определить позу погребенного»; 14.1 – «положение рук покойного не определено»; 16.6 – «положение ног покойного не определено»; 18.1 – «положение стоп невозможно определить»; 19.1 – «положение черепа невозможно определить». Это группа признаков с самыми сильными связями, причем все признаки внутри группы связаны друг с другом. Все это признаки разрушенных захоронений, и тесные их связи, т.е. высокая степень информативности и отсутствие неопределенности в данной группе, объясняется тем, все эти признаки сходятся лишь в одном захоронении – из кургана 5 курганной группы «Кузин хутор»²⁹. В целом, погребения в данной группе отличаются хорошей сохранностью, что обусловлено наличием курганной насыпи и подкурганной оградки.

Группа II. Данная группа объединяет 23 признака, большинство из которых объединяется слабыми связями. Только признаки: 8.5 – «опорные стены вдоль северного и южного бортов могильной ямы» и 12.6 – «юго-западная ориентировка погребенного» – объединяются сильной связью. И вновь появление сильной связи обусловлено единичностью сочетания этих признаков – в погребении 2 кургана 3 могильника «Малаяевка» (Б.Ф. Железчиков, 1987)³⁰. В данном случае высокая взаимная информативность двух отдельно взятых признаков не является объективным оценочным критерием. Поэтому следует описывать признаки, входящие в группу в целом. Кроме вышеописанных, в группу входят признаки: 4.5 – «наличие надгробия»; 6.7 – «яма типа А-5»; 6.2 – «яма типа А-1»; 10.1 – «перекрытие типа А1-1»; 10.7 – «перекрытие типа А2-4» (эти два признака связаны с признаком 6.7); 23.1 – «наличие деревянного гроба»; 24.1 – «наличие железных гвоздей»; 7.1 – «отсутствие подбоя»; 4.5 – «наличие надгробия»; 15.1 – «руки скрещены»; 21.7 – «старческий возраст погребенного». С признаками 8.5 и 12.6 связан признак 39.2 – «наличие серебряных предметов», который, в свою очередь, является объединяющим для признаков 12.1 – «северная ориентировка погребенного», 29.1 – «есть инвентарь» (с примыкающими к нему признакам: 29.2 – «мало инвентаря», 19.2 – «лицо погребенного обращено вверх»); 14.2 – «руки погребенного вытянуты вдоль тела» (с примыкающим к нему признаком 10.18 – «нет перекрытия» и признаком 6.13 – «яма типа Б2-1»), 6.11 – «яма типа Б1-2» (к которому, в свою очередь, примыкают признаки 2.1 – «впускное погребение» и 21.6 – «зрелый возраст погребенного»). Признак 2.1 мы трактуем в данном случае как определитель погребения, не являющегося центральным или основным в оградке, не самым ранним по времени возникновения, поскольку есть основания предполагать, что ряд оградок перекрывался курганными насыпями не сразу, а по прошествии некоторого времени, после завершения всего погребально-поминального цикла обрядов.

Итак, можно сделать общий вывод о том, что группа II объединяет признаки погребального обряда захоронений с отклонениями от мусульманского погребального обряда – и они довольно многочисленны. Здесь описываются как основные черты положения погребенного, так и ведущие типы ям, внутримогильных конструкций, а также наличие инвентаря и его характеристика. Многочисленность этих признаков говорит нам о том, что они являются ведущими среди группы погребений в подкурганых оградках, определяющими характер группы в целом.

Группа III. В составе данной группы 7 признаков, доминируют слабые связи. Однако в группе III присутствуют две пары признаков, между которыми установились связи средней силы. Первая пара – это признаки: 8.2 – «опорные стены вдоль всех бортов ямы» и 10.6 – «перекрытие типа А2-3», прочная связь между которыми логически обусловлена. Вторая пара признаков: 10.17 – «разрушенный заклад» и 13.6 – «положение погребенного с доворотом на левый бок». Связь между данными признаками односторонняя – со стороны признака 13.6, потому что такое положение погребенного

встречается в базе данных лишь один раз и лишь в сочетании с признаком 10.17 в погребении 14 кургана 17 курганного могильника «Малаяевка» (Е.П. Мыськов, 1991)³¹. К признаку 8.2, помимо признаков 10.67 и 10.17, примыкает признак 10.8 – «перекрытие типа А2-5», что в комплексе дает нам три варианта перекрытия погребальной камеры. При этом признак 12.8 – «ориентировка погребенного на северо-запад», примыкающий к признакам 8.2, 10.6 и 10.8, указывает на то, что подобные сочетания более характерны именно для захоронений с северо-западной ориентировкой. Впрочем, эта зависимость, скорее всего, случайна, как и зависимость признака 16.5 – «правая нога слегка согнута вправо, левая вытянута» – от признака 10.6.

Можно сказать, что определяющими сочетаниями признаков в данной группе являются те, которые описывают внутримогильную конструкцию.

Группа IV. Включает в себя 8 признаков. Здесь также преобладают слабые связи и есть две пары признаков, объединенных средними связями. Первая пара: признаки 13.3 – «положение покойного на правом боку» и 16.2 – «ноги согнуты вправо». К ним примыкает признак 6.5 – «яма типа А-3». К признаку 13.3 примыкают признаки второй пары: 21.3 – «детский возраст погребенного» и 22.1 – «пол погребенного не определен». К признаку 16.2 примыкает цепочка из признаков: 10.12 – «перекрытие типа Б1-3», 6.14 – «яма типа Б1-1», 10.10 – «перекрытие типа Б1-1». Таким образом, в данную группу объединены признаки, связанные по принципу доворота покойного на правый бок или положения его на правом боку. Описываются типы ям и внутримогильные конструкции, с которыми сочетается подобное положение. Интересно отметить, что при описании группы погребений в подкурганых оградках мы столкнулись с тем, что, казалось бы, типично «мусульманские» признаки, описывающие захоронения в подбоях и доворот тела на правый бок, не связаны в данном случае с признаками «ориентировка лица на Мекку» или «доворот лица вправо» – они разнесены по разным группам признаков.

Группа V. Включает 4 признака, объединенных слабыми связями. Основным признаком в группе является признак 12.7 – «западная ориентировка погребенного», к которому примыкают остальные признаки: 1.1 – «могильник расположен рядом с синхронным поселением»; 5.1 – «наличие остатков тризны» и 8.1 – «отсутствие опорных стен». Здесь мы констатируем объединение в группу совершенно разнохарактерных признаков. Но данная группа характеризует связи признака «западная ориентировка погребенного», и мы вновь убеждаемся, что он не является определяющим для группы погребений в оградках в целом. Его встречаемость в могильниках, расположенных рядом с поселениями, несколько вероятнее, чем в степных. Кажется, это объясняется господством устоявшихся исламских погребальных традиций, в том числе и четкой западной ориентировки, на пригородных могильниках. Однако мы встречаем здесь неисламский, пережиточный признак «наличие остатков тризны». Можно допустить, что поминовение усопших в непосредственной близости от поселений производилось несколько чаще, поэтому признак 5.1 и входит в группу V. Признак 8.1 лишь в самых общих чертах характеризует внутримогильную конструкцию захоронений с данными признаками.

Группа VI. Объединяет три признака при посредстве слабых связей. К признаку 25.1 – «наличие савана» примыкают признаки 19.4 – «лицо покойного обращено влево» и 26.3 – «угли в могиле». Мы видим сочетание признака, который в других группах погребений выступает как один из признаков, косвенно маркирующих принадлежность к исламской культуре (признака 25.1), с признаками, принадлежащими другим культурным традициям.

Группа VII. В группу входят два признака: 25.2 – «пеленание погребенного» и 18.2 – «стопы сведены, лежат вплотную друг к другу», объединенных связью средней силы. Данные признаки сочетаются традиционно. В данном случае можно сказать, что их отстраненность от остальных групп признаков выдает малоинформативность данного сочетания.

Группа VIII. В группу входят два признака: 19.3 – «череп обращен лицом вправо» и признак 20.1 – «череп обращен лицом к Мекке». Между этими признаками существует сильная связь. Признаки эти, безусловно, маркируют мусульманские захо-

ронения. Обособленное положение этих признаков мы можем объяснять отсутствием зависимости между ориентировкой лица на Мекку и остальными признаками погребального обряда. И это очень важно отметить, поскольку в целом в группе погребений в подкурганых оградках погребальный обряд предстает как смешанный, со значительными пережитками доисламских погребальных традиций. Признак соблюдения *киблы* может сочетаться и с различными внутримогильными конструкциями, и с различными позами погребенных, и с наличием внутримогильного инвентаря, и с традиционными признаками мусульманского погребения.

Группа IX. Объединяет слабой связью два признака: 10.11 – «перекрытие типа Б1-2» и 13.4 – «дворот тела покойного на правый бок». Связь имеет однонаправленный характер, со стороны признака 10.11 – он встречается лишь один раз в базе данных и в связи с этим характеризуется низкой энтропией, но информативность данной связи не очень велика. Можно сказать лишь, что перекрытия типа Б1-2 встречаются лишь в могилах, где погребенный уложен с доворотом на правый бок, а это вероятнее всего встречается в могилах с подбоями.

Группа X. Объединяет два признака: 16.1 – «ноги погребенного вытянуты» и 13.2 – «положение погребенного на спине» – при помощи слабой связи. Эта связь очевидна и не нуждается в комментариях. Данное сочетание не примыкает ни к одной из более крупных групп признаков, поскольку характерно для всей группы погребений в подкурганых оградках в целом.

Внутригрупповой анализ погребений в подкурганых оградках, таким образом, рисует нам картину погребального обряда с довольно размытыми признаками. Нам не удалось выделить в данной группе погребений четкие подгруппы – «языческую» и «мусульманскую», – признаки мусульманизации оказались замкнуты сами на себя. Можно сделать вывод о том, что первооснову, прототип погребального обряда в данной группе составляет обряд языческий, предусматривающий как сопровождение покойного инвентарем, так и цикл поминальных действий (тризна, само наличие оградки, надгробия). Можно предположить, что после официального принятия ислама носителями данного погребального обряда в него внедрились в качестве самостоятельных элементов новые черты – такие как доворот лица вправо, в сторону Мекки, а также, возможно, появились новые типы внутримогильных конструкций (подбойные ямы и сопровождающие их типы перекрытий); можно предположить, что именно в процессе исламизации оградки становятся похожи в плане на мавзолей с порталами-пештаками или двухкамерные мавзолей с *гур-ханой* и *зиярат-ханой*. Однако эти новшества почти не затронули остальных элементов обряда. Таким образом, наши выводы не позволяют присоединиться к мнению о несомненной связи подкурганых оградок с мусульманизацией населения кочевой степи в золотоордынское время. Вероятно, следует искать причину появления столь оригинальных надмогильных сооружений в чем-то другом (может быть, в этнической традиции).

¹ Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936. С. 121.

² Там же. С. 25.

³ Зяблин Л.П. О «татарских» курганах // Советская археология. 1955. Вып. XXII. С. 93–94.

⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 131, 161, 201.

⁵ Гарустович Г.Н. Могильник Саралжин-I (к вопросу об исламизации Джучиева Улуса) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 86–90.

⁶ Дворниченко В.В., Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 6719, 6719 «а», 6719 «б», 6719 «в», 6719 «г».

⁷ Ракушин А.И. Подкурганые кирпичные сооружения золотоордынского времени в Нижнем Поволжье (предварительные выводы) // Археологические вести. Вып. 1. Саратов, 1993. С. 170–173.

- ⁸ *Яворская Л.В.* Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (опыт статистической обработки) // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград, 1999. С. 251.
- ⁹ Там же. С. 252.
- ¹⁰ *Аляев М.В.* Погребения золотоордынской эпохи в сырцовых оградках на территории Волгоградской области // XXXI Урало-Поволжская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых (УПАСК): Тезисы докладов. Самара, 1999. С. 55–56.
- ¹¹ *Агеева Е.И.,* Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1. М., 1959. С. 51–53.
- ¹² *Могильников В.А.* Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 199–200.
- ¹³ *Мыськов Е.П.* Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1991 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 16726, 16727, 16728.
- ¹⁴ *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. М., 1989. С. 42.; Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 100.
- ¹⁵ *Мыськов Е.П.* Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003. С. 216–235.
- ¹⁶ Там же. С. 223.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 225.
- ¹⁹ Там же. С. 226.
- ²⁰ *Шнайдитейн Е.В.* Отчет об археологических раскопках в Ахтубинском районе Астраханской области в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. №10341; Шнайдитейн Е.В. Отчет об археологических раскопках в Ахтубинском районе Астраханской области в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. №10756.
- ²¹ *Дворниченко В.В.,* Смирнов А.С., Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках курганов в Астраханской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6719, 6719 «а», 6719 «б», 6719 «в», 6719 «г».
- ²² *Шилов В.П.* Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции за 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2728, 2728 «а».
- ²³ *Шнайдитейн Е.В.* Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8813.
- ²⁴ *Железчиков Б.Ф.* Отчет об археологических раскопках могильника у села Маляевка Ленинского района Волгоградской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13489, 13490; Мыськов Е.П. Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1991 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 16726, 16727, 16728; Мыськов Е.П. Погребальные сооружения с кирпичными оградами могильника Маляевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. Волгоград, 2003. С. 216–235.
- ²⁵ *Лукашов А.В.* Отчет о работе Заволжской экспедиции ВГПИ за 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8262.
- ²⁶ *Мошкова М.Г.,* Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет об археологических работах в Уральской области в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 6929, 6929 «а», 6929 «б».
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Гарустович Г.Н.* Могильник Саралжин-I (к вопросу об исламизации Джучиева Улуса) // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 86–90.
- ²⁹ *Шилов В.П.* Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции за 1962 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2728, 2728 «а».
- ³⁰ *Железчиков Б.Ф.* Отчет об археологических раскопках могильника у села Маляевка Ленинского района Волгоградской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13489, 13490.
- ³¹ *Мыськов Е.П.* Отчет о работе Волго-Ахтубинского отряда археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1991 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 16726, 16727, 16728.